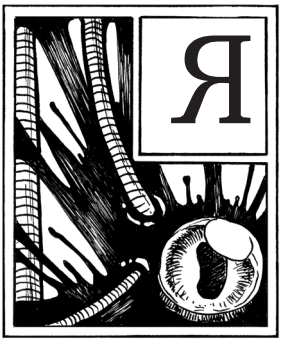
ОБЛАЧНОЕ СОЕДИНЕНИЕ



Я принял решение удалить сетевой чип. Уже назначен день операции. Она не займет и получаса, а крохотный шрам за правым ухом не будет виден без микроскопа. Это незначительное с точки зрения хирургии изменение навсегда отсечет меня от сияющей паутины Всемирной Сети. Лазер обрубит натянутые информационные нити, которыми я был связан с миром на протяжении многих лет. Многоголосый хор всеобщих чувств и мыслей навеки смолкнет для меня. Наверное, это будет похоже на ампутацию руки или удаление глаз. Не могу представить это ощущение изолированности и одиночества, которое ждет меня. Уверен, что никто из моих знакомых, партнеров, родственников или просто прохожих на улице не сможет понять мой выбор. Скорее всего, меня посчитают сошедшим с ума стариком. Но деньги и власть защитят меня от чужого мнения и злых сплетен. Я достиг такого положения в обществе, что в своих поступках могу не считаться ни с кем. Я не должен объяснять свой выбор людям, но я должен объяснить его самому себе. Меня гложут сомнения, сильнее которых только липкий страх, опутавший

мой разум. Я хочу записать события, которые породили его. Возможно, обличив их в слова, я избавлюсь от страха.

Или сомнений.

В то время, когда миром еще правила алчность, я только начинал работать в должности младшего юриста в одной из тысяч компаний, занимавшихся судебными делами между крупными корпорациями. Такие компании напоминали кусачую мошкару, вьющуюся вокруг сцепившихся рогами оленей. Потребности корпораций всегда были весьма разнообразны, поэтому мне часто выпадали поручения, выходящие за рамки судебного производства. Очередное задание удивило меня не своим таинственным и туманным содержанием, а заказчиком. Им было частное лицо, обратившееся напрямую в совет директоров, что говорило об огромных деньгах и влиянии, сопоставимых с ресурсами корпорации.

Прежде чем отправиться на встречу, я вбил в базу данных имя: Вит Спиндел. Информации оказалось на удивление мало. Заказчик — сетевой инженер, получивший несколько очень крупных грантов от малоизвестных фондов, занимающихся исследованиями и разработками Сети. Но результаты его работ нигде не публиковались и не упоминались, а новых исследований и стипендий ни один из этих фондов больше не открывал.

Встреча была назначена в Сети. Обычно клиенты хотели обсуждать дела в укромных, обшитых свинцом комнатах, информационных гробах, закрытых от проникновения любых радиоволн. Люди тогда еще не доверяли Сети все свои секреты, опасаясь, что кто-нибудь может украсть их, выудив из воздуха. Так что выбор места встречи лишний раз подчеркивал необычность нового заказчика.

Я надел шлем, сплетенный из сотен тонких стержней, внутри которых было протянуто нейроволокно. Металлические щупы обхватили голову, прижались к вискам, лбу, затылку и темени, а один стержень скользнул за правое ухо и погрузился в небольшой бугорок, в котором был спрятан сетевой чип. Шлем превратил слабое фоновое соединение в мощный поток, готовый по команде открыть двери в другой мир. Я ввел координаты места встречи. Система запросила пароль, а после подтвердила, что меня ожидают. Я помедлил, готовясь преодолеть невидимую границу реальности, и нажал на кнопку соединения.

Погружение в Сеть похоже на прыжок в ледяную арктическую воду. Мышцы сводит судорога, которая с быстротой молнии прокатывается от ступней до макушки. В первый момент каждый волосок и каждая клеточка парализованного тела ощущается болезненно четко, но постепенно на это чувство наползает лед. Чудовищная стужа растекается по венам и легким. Нервы бьются в агонии и отмирают. Исчезают один за другим. Первыми коченеют и пропадают пальцы, потом ступни и кисти рук. И так, сегмент за сегментом, в холодной темноте растворяется все тело, пока не остается лишь обнаженный, беззащитный разум, к которому из мрака начинает подкрадываться паника и безумный ужас. Потом неожиданно, спустя целую вечность, тьму разрывает яркий свет. Вместе с ним возвращается ощущение живого тела. Сеть подхватывает новую сущность и окружает ее мягким, теплым сиянием, из которого проступает новая реальность. От мучительной смерти до нового рождения проходит не больше пары микросекунд. За этот краткий миг мозг не успевает осознать и запомнить все, что с ним происходит, но жуткий призрак бескрайней пустоты остается с ним какое-то время в виде блеклого пятна или туманной сетки, наложенной поверх всех мыслей и воспоминаний.

Я беспомощно барахтался в этом тумане, когда тягучая белизна вокруг меня начала постепенно обретать форму, текстуру и четкость. Неразличимая абстракция наполнялась ощущением реальности, даже более полным, чем во внешнем мире. Я находился в большой светлой комнате. Это была пустышка, болванка, с которой дизайнеры начинают создание интерьеров, наполняя их предметами из электронных каталогов, врезая окна и двери, обклеивая стены виртуальными обоями. Но эта пустота не казалась чем-то искусственным или неправильным. Просто место, ожидающее преображения.

Среди белоснежных стен я не сразу заметил застывшую в углу фигуру. Серая одежда, бледная кожа и бесцветные волосы делали его похожим на размытый силуэт с засвеченной фотографии. На этом блеклом фоне ярким пятном были только пронизанные красной сеткой капилляров глаза альбиноса. Я чувствовал на себе давление их лихорадочного взгляда.

— Мне иногда кажется, что человечество безумно, — произнес альбинос, когда заметил, что я в полной мере оправился после погружения в Сеть. Мы не стали обмениваться приветствиями, потому что в этом месте они были лишними. Пакет данных с моим именем и должностью в компании Вит Спиндел получил в тот момент, когда я ввел пароль для входа в его виртуальную комнату.

— Там снаружи высятся до самого неба и тянутся до горизонта монструозные необъятные города, задыхающиеся от дыма и пыли, — сказал он после небольшой паузы. — В бетонных коробках ютятся люди, чьи чувства и стремления запрограммированы рекламой, льющейся им прямо в мозг. В их мыслях нет места для новых горизонтов, нет места для будущего. Они все загнаны в беличье колесо жадности. Корпорации приводят колесо в движение, производя товары, в которых нет ни одной

свежей мысли, вложенной туда не ради получения прибыли. Люди заглатывают эту наживку и просят еще. Они до изнеможения работают, в надежде урвать зарплату побольше, работа превращается в ненавистную каторгу, и все это лишь для того, чтобы крутить чертово колесо еще быстрее.

Голос Спиндела дрожал от плохо сдерживаемого презрения и злобы. Я не видел его лица, потому что во время своей изобличающей речи он отвернулся к стене, на которой тут же возникли изображения: вырезанные фрагменты из новостей, видеоблогов и документальных фильмов. Картинки и ролики быстро сменяли друг друга, едва не сливаясь в неразборчивое мельтешение. Скрупулезно подобранные кадры красноречиво иллюстрировали каждое произнесенное альбиносом слово.

— Бессмысленность и алчность порождают только злобу. Она вибрирует в воздухе и льется из мониторов и наушников беспрерывным потоком нечистот. Но этот поток вторичен: он берет свое начало в умах людей и вновь возвращается к ним, преобразившись внутри фабрики развлечений в понятные слова и примитивные образы. Так разве этот порочный круг не похож на безумие?

Наконец он замолчал и повернулся ко мне. Его горящий взгляд метался из стороны в сторону, иногда задерживаясь на моем лице. Он не требовал ответа или хотя бы видимой реакции. Казалось, ему было безразлично, слушаю ли я его.

— Если это верно, то главный вопрос звучит так: может ли безумие передаваться от создателя к творению? — с возбуждением спросил Спиндел. Его вопрос беспомощно повис в воздухе. Я не знал, что ответить, но он и не ждал моей реплики. — Мы зажаты между двумя безднами. Одна из них — человеческий разум, более загадочный и сложный, чем доступно для понимания философов и ученых. Несмотря на все их усилия, мы

так и не поняли себя. Из чего состоит ум человека? Как рождается мысль? Можно ли описать личность только набором алгоритмов? Если да, то будет ли это создание живым существом или всего лишь бездушной подделкой?

Другая бездна — это Сеть. Мы потеряли контроль над собственным изобретением. Сеть стала слишком сложна, ее адаптивные алгоритмы дописывают сами себя. И в этом коде уже нельзя разобраться. Ежесекундно в нее вливаются немыслимые объемы данных. Часть из них содержится в идеальном порядке на серверах корпораций, похожих на крохотные бастионы среди бушующего хаоса. Другая же часть бесконтрольно разливается по Сети, подобно первозданной стихии. Но дело не только в колоссальном объеме информации. Сама информация перестала быть простыми знаками, которые нужно только записать и выдавать по запросу. Чипы в головах людей создают двустороннюю связь. Вместе с поисковыми запросами и банковскими транзакциями они транслируют в этот иллюзорный мир эмоции, мысли и сны, которые наполняют Сеть, просачиваясь между кубиками сохраненных данных, и оседают на самом дне.

Вит Спиндел сел на корточки, и пол под нашими ногами стал прозрачным. Внизу простиралась глубокая шахта, на дне которой будто бы плескались темные воды.

— Вот что можно увидеть, если заглянуть за иллюзии, которые создают для нас машины, чтобы визуализировать Сеть. Я долго наблюдал за этим океаном. В нем есть волны, приливы и отливы. Его непогода всегда соответствует бурям во внешнем мире. Когда с экранов с особым упоением изрыгают желчь и ненависть, здесь бушуют шторма. Хотя иногда среди темных вод блестят яркие звезды, порой складывающиеся в целые созвездия и заливы. Я не знаю точно, что это, но мне

кажется, именно так выглядел первобытный океан, в котором зародилась жизнь. Но что может зародиться там, где исходным материалом служит злоба?

Далекие воды под моими ногами неспешно колыхались, по их чернильной поверхности катались волны, тягучие, точно битум. Я завороженно вглядывался в их движение, пока вдруг какой-то всплеск не разорвал мерного движения. Бесформенная тень показалась на поверхности воды и тут же ушла на глубину. Я невольно отшатнулся и отвел глаза, в этот момент пол вновь обрел плотность, скрыв неведомую бездну. Я поднял взгляд, а альбинос уже стоял рядом, его кровавые глаза смотрели более осмысленно, безумная лихорадка покинула их.

— Прошу прощения. Я отвлекся, но дело, ради которого я позвал вас сюда, определенным образом связано с моими… исследованиями, — на этом слове он запнулся, но очень быстро заговорил вновь. — Я умираю. Не так важно, что именно убивает меня, важно лишь то, что я могу предсказать течение своей болезни. Времени у меня осталось немного, а я должен завершить приготовления к своему последнему эксперименту. Я уже нанял группу медиков, которая подтвердит факт смерти моего тела. От вас же мне нужно, чтобы вы подтвердили факт смерти моего разума. Мы с вами будем находиться в этой виртуальной комнате в момент, когда мое сердце перестанет биться. Сюда будут выводиться показания медицинских приборов. Кроме этого вы увидите, как исчезнет мой аватар… хотя, возможно, Сеть отобразит мою гибель как-то иначе.

Покинуть Сеть гораздо проще, чем попасть туда. Нужно лишь мысленно прочесть замысловатый код, состоящий из набора слов и визуальных образов, и тогда мир, который

только что был до предела насыщен реальностью, в мгновение ока обернется кромешной тьмой. Но пустота будет царить недолго, в ней практически сразу начнут расцветать красные пульсирующие соцветия. Это собственное тело вновь обретает плоть. Голые кости обрастают ветвящимися лианами сосудов, а те в свою очередь набухают мышцами. Внутри, словно плоды неведомого древа, созревают органы, а кожа представляется как эластичная, но надежная защита, окружающая этот чудесный сад. В конце все чувства разом начинают воспринимать внешний мир.

Вит Спиндел назначил дату своей смерти через неделю. В тот день я должен буду явиться в его дом, где вместе с ним, лежащим на смертном одре, вновь войду в Сеть, чтобы наблюдать там его смерть. Мой заверенный отчет вместе с данными медицинской группы и лог-журналами Сети представят результаты этого странного эксперимента.

Отсрочка на неделю породила болезненное предвкушение, которое, подобно воспаленному, пульсирующему узлу в голове, отвлекало на себя все мысли. Возможно, что те фонды действительно выделили деньги именно для подробной регистрации смерти подключенного к Сети человека, но мне казалось, что здесь должно быть второе дно. Я пытался связать скудные подробности эксперимента с безумным монологом моего нанимателя, но все предположения, рожденные из этой связи, получались слишком фантастическими, чтобы удовлетворить мое взбудораженное воображение.

Это нездоровое возбуждение пробралось даже в мои сны. Сейчас никого не удивишь сном, пришедшим из Сети, но тогда, до Объединения, это было необычно и странно.

Каждую ночь до назначенного дня, засыпая, я оказывался на небольшой высокой платформе, дрейфующей посреди

черного океана. Тяжелые, липкие волны облизывали края платформы, оставляя на ее стенках грязные разводы и тягучие потеки. Вокруг не было ничего, за что можно было бы зацепиться взглядом: черное без единой звезды небо и черная вода сливались, не оставляя даже намека на линию горизонта. Казалось, что мрачное море изгибается и заворачивается в огромную сферу. Прямо над головой висел массив из разнообразных блоков и модулей, в которых легко было узнать обычный для тех дней ландшафт Сети, но он находился настолько далеко, что казался недостижимым. Мне не оставалось ничего, кроме как коротать время, всматриваясь в окружающее море. Склонившись над краем своего убежища, я наблюдал за движением мрачных волн и вскоре начинал различать в глубине под поверхностью воды смутные образы. Мне являлись искаженные злобой и ненавистью лица, сцены неистовых драк, подлого обмана, предательства и даже убийств. Они наплывали друг на друга, смешивались, а потом распадались на отдельные части, точно жуткий калейдоскоп человеческих пороков. Несложно было поверить, что этот океан действительно был выжат из самых скверных людских мыслей и стремлений.

От этих снов я просыпался посреди ночи и долго не мог уснуть, до утра перебирая в голове ужасные образы. Я даже пытался искать подтверждение этим видениям в новостях и криминальной хронике, но так ничего и не добился. Возможно потому, что они были лишь плодом моей фантазии, а может быть потому, что отыскать конкретное безымянное убийство среди множества других в то порочное время было почти невозможно.

Сюжет сна за неделю менялся лишь дважды. Один раз темные воды океана злобы неожиданно покрылись маленькими светящимися точками, похожими на тропический планктон.

Светлячки неистово метались в чернильной толще, разрывая завесу густой тьмы. Вода постепенно становилась прозрачной, а яркий, живой, переливающийся свет проникал все глубже, пока в конце концов весь океан не засиял, как Млечный Путь. После этого сна я проснулся с ощущением гармонии и тепла, заполнившего всего меня. К сожалению, я больше никогда не видел этот сон.

В другие ночи светлячки иногда появлялись среди блестящих черных волн. Их свет вспыхивал среди кромешной тьмы, словно фонари по бортам разбросанных после кораблекрушения спасательных шлюпок, но темнота быстро пожирала их, не позволяя собраться вместе.

В другой раз сон изменился накануне эксперимента. Я опять стоял на платформе, но вместе со мной там находился и Вит Спиндел. Черные глянцевые воды были неспокойны. Высокие волны с мерзким чавканьем ударялись о стенки платформы. Тягучая вода разбивалась без брызг, только покрываясь серыми пузырями и хлопьями маслянистой пены, похожей на гроздья разномастных слепых глаз.

— Это то, что нужно! — крикнул альбинос и залился безумным смехом. — Теперь Сеть не оставит меня!

Он порывисто кинулся к краю платформы, лег на живот и попытался зачерпнуть рукой черную жижу. Ему это удалось, когда волна поднялась особенно высоко. Вода окатила его руку выше предплечья, покрыв кожу липкой пленкой.

Спиндел поднялся на ноги. Его налитые кровью глаза безумно вращались. Его бледный рот кривился в страшной улыбке. Он долго смотрел на свои руки, будто не узнавая их: одна белая, почти бесцветная, другая черная и гладкая, точно отлитая из пластика. Потом слизь забурлила и начала расти, выбрасывая в стороны тонкие отростки, как плющ, оплетающий

стену разрушенного дома. Альбинос дико закричал и стал неистово отчищать слизь с руки, но вместо этого только поставил еще больше клякс по всему телу. Каждая клякса начала опутывать его тонкой сетью. Его крики смолкли, когда он весь превратился в плотный черный кокон, в котором сложно было признать человека.

Так прошла неделя. У порога указанного дома я стоял даже раньше, чем было назначено. Меня подгоняло снедающее изнутри любопытство. Дверь мне открыли через переговорное устройство, а хриплый голос приказал идти прямо по коридору в гостиную. Интерьер дома не поражал роскошью, но говорил о немалых деньгах, вложенных в него. Большинство дверей в другие комнаты были открыты, за ними я видел медиков в белых халатах с одинаковым логотипом на спине. Они деловито раскладывали разнообразную аппаратуру и тянули вдоль стен пучки кабелей и полых трубок, не обращая на меня никакого внимания.

В конце коридора располагалась большая гостиная. Из помещения вынесли всю мебель, оставив только пару кожаных кресел, к одному из которых и тянулись толстые жгуты кабелей. Помещение выглядело голым и пустым. Из-за этой пустоты в глаза тут же бросилась медицинская койка, стоящая в дальнем углу. Под белой простыней на ней отчетливо проступало неподвижно лежащее тело.

— Не беспокойтесь, это не труп, а только андроид. Он нужен для эксперимента, — из кресла мне на встречу встал Вит Спиндел, на этот раз во плоти. Он пожал мне руку и бессильно опустился обратно. В реальной жизни он еще больше походил на выцветший призрак. Его голос был слабым и хриплым. Говорил он медленно, с усилием выталкивая из горла

каждое слово. Вокруг его запавших глаз набухли сизые круги. Бледная кожа стала настолько прозрачной, что сквозь нее просвечивали синие вены. Белые волосы спутались и облепили покрытый испариной лоб.

Больше мы не разговаривали. Какое-то время медицинская группа настраивала и подключала приборы, опутывая проводами Спиндела и андроида. Андроид был полностью «мертв»: он не дышал, а подключенные к нему датчики не показывали ни пульса, ни мозговой активности. Пустая синтетическая оболочка, собранная по образу и подобию человека.

Наконец, когда все приготовления были сделаны, на меня, андроида и Вита надели сетевые шлемы. Арктическая стужа поглотила мое тело, а спустя вечность Сеть соткала мне новое, поместив по заданным координатам в виртуальное убежище. В реальности со Спинделом не произошло чудесного преображения, он остался такой же немощной и изможденной тенью. Только его глаза разгорелись лихорадочным огнем, которого не было видно при нашей встрече.

— Можете не искать, — бросил он, когда я начал оглядываться в поисках андроида. — Сеть не отображает его, потому что его микросхемы абсолютно пусты: ни личности, ни сознания.

Пока он говорил, пустые стены белой комнаты заполнялись показаниями приборов. Множество графиков и постоянно меняющихся значений отображали текущее состояние умирающего тела, оставшегося в другом мире.

— Пора начинать. Сейчас мне в кровь введут яд, — с полным спокойствием начал объяснять Спиндел. — Тело будет умирать не больше десяти минут, но электрические импульсы от мозга могут идти дольше, кроме того, мозг будет стимулироваться сетевым чипом. Так что до полного исчезновения

может пройти около четверти часа.

Он сотворил для нас два кресла, таких же, как стояли в гостиной, только эти были новые, без единой потертости на тонкой коже.

— Моя болезнь принесла мне почти все, что я имею сейчас. Я не согласился бы на это исследование, если бы не знал срок своей смерти. Согласие на этот эксперимент дало мне деньги, но что важнее — надежду и цель жить дальше. Впрочем, надежда была лишь в самом начале, теперь я думаю, что просто сумел поразвлечься за чужой счет,— заговорил альбинос, когда мы уселись. Он рассказывал свою историю, как и раньше, не обращая на меня внимания. Когда он говорил, то смотрел куда-то в сторону. Мне было неловко слушать его исповедь, но в то же время я с жадностью ловил каждое слово. Яд начал действовать быстро, постепенно его речь становилась все более прерывистой и несвязной. Мысли перескакивали и путались.

— Я знаю, что вы видели океан. Это как вирус, стоит один раз только услышать о нем, как мысли начнут возвращаться туда снова и снова. В тех черных водах каждый день идет борьба. Мы стоим на пороге чего-то нового, того, что растет из наших сердец. Но что это будет? Это зависит от вклада каждого. Я наблюдал за тем, как из года в год вода становилась все чернее, но я ничего не сделал, чтобы остановить это. Да, за всю жизнь я не подарил ни одной улыбки, не помог никому, кроме себя. Я не зажег ни одной звезды. С рождения во мне клокочут ненависть и желчь, а все ужасы океана, что я увидел за долгие годы, лишь усилили их.

Иногда, прямо посреди фразы, он замирал в напряженной позе и не мог вымолвить ни слова, борясь с внезапным и болезненным параличом. Последний приступ был особенно

сильным. После него Спиндел весь осунулся, а при каждом вдохе из его груди вырывался хриплый стон.

— Сеть впитывает мысли. Мы сами скармливаем их ей. Так почему бы ей не впитывать и души? Надеюсь, я этого не узнаю. Не хочу оказаться еще одной рыбешкой в тех черных водах, — он явно бредил. Его голова безвольно упала на грудь, а бескровные губы шептали слова, которые натыкались друг на друга, превращаясь в едва понятную кашу. — Но я не умру. Расчеты должны быть верны. Меня ждет новое тело!

Я видел, как жизнь стремительно покидает его. В мгновение ока гладкую кожу прорезали глубокие морщины, а белые волосы покрывались серым, блеклым пеплом. Хриплый голос становился все слабее и тише. Смерть заворожила меня, я не мог оторвать взгляда, примечая каждое новое ужасающее изменение. Я подался вперед и склонился над умирающим, чтобы не упустить ни одного слова.

Вдруг поток спутанных фраз прервался сдавленным криком. Вит Спиндел выгнулся дугой, вцепившись тонкими пальцами в подлокотники. Его крик утонул в завываниях сирены. Множество датчиков замигали красным, а часть графиков превратилась в прямые линии. Белая комната наполнилась густым красным светом. Кресла исчезли, а Спиндел повис в воздухе на проводах, которые оплели его, точно змеи.

Показания приборов больше не изменялись, графики показали несколько хаотичных всплесков и неподвижно застыли. Тело было мертво. В этот момент над головой мертвеца зажглась яркая точка. Взгляд его слепых глаз с трудом сфокусировался на ней, а безвольная рука поднялась вверх, чтобы коснуться ее. Спиндел дотронулся до сияющей точки, и что-то неуловимое отделилось от бренного тела и исчезло в сотканной из света воронке. Казалось, что она растет и всасывает

предсмертное дыхание альбиноса.

Когда я вспоминаю, о том, что было потом, мне приходится напоминать себе, что это была лишь машинная иллюзия и в реальной жизни такого произойти не может. Но что есть реальность, когда Сеть сопровождает нас в течение жизни, с первых лет и до самой могилы?

Вся комната была погружена в красноватый мрак, в котором любое движение рождало неясные тени. Яркая точка освещала изможденное лицо и впалую грудь Спиндела. Я не сразу заметил, как его белая кожа начала покрываться черной маслянистой жижей, которая сочилась прямо из пор. Жижа собиралась в тяжелые сгустки, которые с отвратительным звуком падали на пол. Вместе с жижей с тела сходила кожа. Она трескалась, рвалась на лоскуты и сползала, как промасленная бумага, обнажая мышцы. Голая плоть была будто изъедена изнутри паразитами или кислотой, ее покрывали язвы, сквозь которые виднелись кости. Все тело покрывала черная слизь, которая уже стекала на пол настоящим потоком.

Сияющая воронка продолжала поглощать то, что, как я понимаю, было сущностью Вита Спиндела, но в то же время его виртуальное тело исторгало из себя черную жижу, которая разливалась на полу огромной лужей. Ее поверхность пузырилась и покрывалась мелкой рябью, складывающейся в замысловатые узоры, похожие на пчелиные соты.

Я с ужасом наблюдал, как внутри этой жижи что-то начало расти, пытаясь разорвать маслянистую пленку и вырваться наружу. Я отшатнулся, упал и отполз в дальний угол. Забившись туда, я боялся пошевелиться или даже вздохнуть. Страх не позволял мне закрыть глаза, и я видел, как внутри раздувшегося пузыря скользят переплетенные щупальца, обвивающие продолговатое тело. Я видел, как среди чернил вспыхнул золотом

огромный глаз, а потом существо повернулось, и острый клюв в центре покрытой присосками звезды разорвал пленку. Пузырь лопнул, чернила брызнули во все стороны, а воздух наполнился запахом горелой проводки и расплавленного гудрона.

В свете крохотной звездочки, повисшей над неподвижным, иссушенным телом Вита Спиндела, прорисовывался силуэт гигантского спрута. По его черной спине, вдоль плавников, скользили полоски неонового света, а длинные цепкие щупальца змеились по полу и стенам, словно пытаясь отыскать что-то.

Тщетно я пытался воспроизвести в мыслях последовательность образов для выхода из Сети. Страх парализовал меня. Мне оставалось только в оцепенении, беспомощно наблюдать за каждым движением чудовища. Но жуткая тварь будто не видела меня, она пришла не за мной. Гигантские щупальца взметнулись в воздух, обхватили труп, подтянулись и схватили светящуюся точку. Сирена взывала с новой силой, а единственный источник яркого света погас. Все погрузилось во мрак, подсвеченный красными лампочками, которые еще продолжали гореть рядом с замершими индикаторами. В этом тусклом свете было видно, как огромная тень спрута сползла с подвешенного на проводах тела. С мерзким чавкающим звуком чудовище свалилось вниз и растворилось в густом мраке.

Я не видел ничего, но слышал тихий шипящий звук и чувствовал, как воздух наполняется едкой, удушливой вонью. Потом в темноте раздался мощный удар и звук бьющегося стекла. Больше ничего не происходило. Только шум далеких волн доносился откуда-то снизу. Я сидел, прислонившись к стене, и слушал их мерное биение, пока окончательно не поверил, что я

действительно остался один.

Когда я покинул Сеть, медики уже упаковывали свое оборудование, а в дальнем углу гостиной стояло две каталки, на каждой из которых лежало тело в черном пластиковом мешке, похожем на кокон чудовища, оставшегося в другом мире.

Свой отчет я отослал только спустя два дня, да и то после очередного напоминания начальства. В нем я сухо и без подробностей изложил то, что видел. После я несколько раз направлял письма в фонды, указанные в рассылке, пытаясь выяснить, что же именно тогда произошло. Но все мои запросы оставались без ответа, а через несколько лет фонды прекратили свое существование.

Я постарался выкинуть эту историю из головы, вспоминая о ней, лишь когда мне являлись сны об океане, скрытом под поверхностью Сети.

Даже после Объединения, когда люди с помощью Сети научились слышать мысли и чувства друг друга, я вижу сны, полные мрака. Я не могу понять, неужели среди идиллии взаимопонимания, в котором сейчас пребывает общество, все равно продолжает царить порок и ненависть, или же эта чернота находится не в Сети, а внутри меня самого? А может, это всего лишь фантазия, вирус, поселившийся в моем сознании. Я не знаю ответа, но все варианты порождают в моей груди холодный, липкий ужас. Не знаю, спасет ли операция от щупалец чудовища мою душу, но, если она избавит меня от этих снов, я готов отречься от общества и принять холодные объятия одиночества.